

А.Б.Гофман

О некоторых тенденциях и проблемах современной теоретической социологии

1. О модах в современной теоретической социологии

1. Как и в других областях культуры, в науке присутствие и влияние моды невозможно оценивать однозначно, негативно или позитивно. Мода в науке, как и в искусстве, может, хотя и не обязательно, играть вполне позитивную роль и стимулировать ее развитие. Многие выдающиеся явления в науке и в искусстве начинались как моды, становились модами или были в моде, но это не помешало им стать классическими и остаться в них на века. В моде при жизни их создателей были произведения Пушкина, теория относительности Эйнштейна, психоанализ Фрейда, философия Бергсона, кибернетика и т.д., не говоря уже о более «легких» жанрах с их собственной классикой. Сегодня никто уже не квалифицирует эти творения как «моды», хотя в свое время они наделялись модными значениями. В общем, будущее, когда оно становится прошлым и настоящим, обнаруживает, *что* было *только* модой, а *что* – еще и фундаментальным или даже выдающимся культурным творением, которое надолго остается в актуальном интеллектуальном обращении или к которому постоянно возвращаются.

2. Социология, на мой взгляд, по причинам, заслуживающим специального рассмотрения, относится к числу научных дисциплин, особенно подверженных влиянию моды. Это касается как социологии вообще, так и того, что находится «внутри» нее: теорий, понятий, методов, проблематики и т.д. Как и в любых других областях, в которых присутствует мода, мы обнаруживаем здесь весь набор атрибутивных ценностей моды, к которым я отношу ценности *современности, универсальности, игры и демонстративности*.¹ На уровне денотативных ценностей моды в

¹ Об атрибутивных и денотативных ценностях моды см.: Гофман А.Б. Мода и люди: Новая теория моды и модного поведения. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2004. С. 15-33.

социологии (так же как в одежде, например) мы можем обнаружить самые разнообразные нравственные, политические и прочие тенденции, которые сами по себе выходят за пределы моды и модного поведения, присутствуя в нем так или иначе и оказывая существенное влияние на другие его аспекты. Поэтому, предвосхищая возможный закономерный вопрос, действительно ли нижеперечисленные тенденции относятся к моде и объясняются ею, я отвечаю: да относятся, что не исключает автономного существования этих денотатов. Точно так же, опять-таки, дело обстоит с одеждой, где в той мере, в которой в ней присутствует мода, ее участники руководствуются не только собственно тем, что «в моде», не только ее атрибутивными ценностями, но и другими, в том числе фундаментальными, ценностями, целями, мотивами, влияющими на их поведение как «внутри» моды, так и вне ее.

Модными значениями наделяются самые различные явления социологии, как устойчивые, так и мимолетные, как «позитивные», так и «негативные» с точки зрения ее развития. Некоторые превращаются в более или менее устойчивые тенденции, другие быстро исчезают. Некоторые из них имеют глобальное распространение, другие ограничены социологическим пространством отдельных стран, в том числе России.

3. Социология как таковая в прошлом бывала в моде, чего нельзя сказать о нынешнем времени. Тем не менее, *внутри* самой социологии мода, на мой взгляд, сегодня существует и присутствует весьма зримо и активно. Складывается даже впечатление, что чем меньше мода *на социологию*, тем больше мод *внутри социологии*.

4. Остановлюсь на нескольких таких теоретико-социологических модах, выступающих либо раздельно, либо в различных комбинациях друг с другом.

- 1) *Туманность, расплывчатость, невнятность и противоречивость теоретических конструкций.*
- 2) *Мода на критику «позитивизма» в социологии и его громогласное опровержение.* Эта мода носит настолько устойчивый характер, что

уже в большой мере традиционализировалась и почти превратилась в интеллектуальный обычай.

3) *Мода на провозглашение или предсказание упадка, конца или смерти чего-либо: социальных явлений, институтов или процессов.*

4) *Мода на провозглашение чего-либо несуществующим.*

5) *Мода на самобичевание, обличения, жалобы, обвинения и упражнения в доказательстве того, что социология вообще и (или) российская социология в частности ничего или почти ничего не смогла, не может и никогда не сможет сделать.*

6) *Мода на всеохватность и хроническая претензия на радикальный и тотальный пересмотр теоретических оснований всего и вся.*

7) *Мода на эпатаж, радикализм и претенциозность теоретических суждений.* Она пересекается и отчасти совпадает с вышеперечисленными модами № 1–6. С ними же связана модность в социологии таких фигур, как Жорж Батай, Жан Бодрийяр и т.п.

8) *Мода на утилитаризм.* Эта мода последних 15–20 лет носит главным образом российский характер. Я имею в виду не философский утилитаризм, лежащий в основании некоторых социологических теорий, например, теории рационального выбора, а своего рода детскую болезнь идеологии утилитаризма в российской социальной науке.

9) *Мода на консерватизм в самых разных версиях.* Это также преимущественно российская мода последних лет.

10) *Мода на критику либерализма.* К реальному либерализму это не имеет отношения, но либерализм и либералов ругают на каждом шагу, обвиняя их во всех смертных грехах. Эта мода вышла далеко за пределы социальной науки. Один известный российский литератор даже большевизм объявил разновидностью либерализма, что, конечно, явное недоразумение с точки зрения серьезной социологии и истории идей.

5. Разумеется, все эти «моды», тенденции объясняются далеко не только модой. Они могут иметь весьма глубокие исторические, культурные, в том

числе традиционные, корни. Но и фактор моды в этих тенденциях сегодня играет весьма значительную роль.

2. О некоторых проблемах теоретического знания в современной социологии

1. Позволю себе остановиться на нескольких старых и вечно юных проблемах, имеющих значение для современной теоретической социологии или, по крайней мере, для той сферы, которую нередко обозначают этим термином. Уточню, что в социальных науках термин «теория» используется в двух значениях: «нестрогом» и «строгом». Соответственно, в них имеют хождение два вида теорий, «мягкие» и «жесткие». К «мягким» относятся те, которые содержат любую развернутую рефлексию о социальных явлениях. «Жесткая» теория представляет собой выводимую из определенных исходных допущений совокупность понятий и утверждений, логически связанных между собой и в принципе поддающуюся интерпретации, проверке и опровержению, в том числе эмпирическими данными. Вообще говоря, оба вида теорий выполняют примерно одни и те же функции, состоящие в том, чтобы описать, объяснить, интерпретировать, предсказать явления социального мира. При этом важно иметь в виду, что далеко не всегда процесс конструирования теории заключается в простом применении определенных, заранее принятых правил и методов ее конструирования; чаще, наоборот, эти правила выводятся *post festum*, уже после проведенных теоретических исследований методологами в качестве своего рода «уроков» для будущих теоретиков.

2. Исследователи так или иначе, явно или неявно, сталкиваются с проблемой соотношения теории или, шире, теоретических высказываний и обобщений, с одной стороны, и эмпирического исследования, с другой. Многие аналитики постоянно констатируют ситуацию разрыва между данными сферами. Можно понять недовольство эмпириков сверхабстрактными схоластическими построениями, которые не поддаются

не только операционализации, но и интерпретации. С другой стороны, эмпирики, приступая к исследованию, нередко ограничиваются весьма поверхностными, неотрефлексированными допущениями или обыденными суждениями. В некоторых случаях декларируется приверженность некоей теории или даже «парадигме». Но делается это без всяких обоснований, часто привлекаемые теории или «парадигмы» реально не играют в исследовании никакой роли, и без них вполне можно было бы обойтись.

3. Теория зачастую не рассматривается как часть процесса исследования на всех этапах. Иногда теория сводится к тому, что берется несколько дефиниций из словарей и говорится, что параметры «х» и «у» что-то характеризуют и определяются так-то. Понятие «исследование» зачастую отождествляется с понятием «эмпирическое исследование», а теория воспринимается как нечто готовое. В результате теории воспринимаются как нечто вроде галстуков, висящих в шкафу; считается, что когда социолог приступает к исследованию, то он подбирает себе подходящий к случаю теоретический «галстук» и использует его для целей определенного «исследования». При этом теория рассматривается как нечто, находящееся *вне исследования*: первая и последнее в таком истолковании выступают как разные вещи. Если речь идет о какой-то более или менее серьезной теоретической разработке, то сразу начинаются разговоры на тему о том, «можно ли это операционализировать?» или «как это операционализировать?». Таким образом, вопрос о том, *что* операционализировать, вытесняется вопросом *как* операционализировать. Если оказывается или кажется, что операционализация здесь и сейчас невозможна, то и говорить тогда не о чем: значит, теория не годится.

4. На мой взгляд, теоретическая часть исследования начинается в первый день исследовательского проекта и заканчивается в последний. При этом на разных этапах исследования она играет хотя и различную, но одинаково важную роль. Использование теории в исследовании совсем не сводится к ее *выбору*, как это часто бывает. Теория – это деятельность, процесс; она в значительной мере выступает как синоним

теоретизирования.² Она находится не за пределами исследования, а внутри него. Она не дается нам в готовом виде и так или иначе должна составлять элемент изучения объекта на всех его этапах. Применяя теорию в эмпирическом исследовании как некий довесок к нему, разрабатывая ее наспех, кое-как, мы в результате часто оказываемся в плену тех же идеологем и предрассудков, которые были у нас до исследования и которые в результате делают его в лучшем случае бесполезным. Просто «принятая», готовая, не отрефлексированная теория понимается как догма, которую уже нельзя изменить, теряется критичность в интерпретации данных. Очевидно, что если исходные допущения при постановке проблемы были необоснованными и (или) сомнительными, то все исследование в общем теряет смысл, и результаты его мало чего стоят, какой бы тонкий и изощренный методический инструментарий при этом ни использовался. Именно поэтому основания анализа должны уточняться на каждом этапе исследования. При этом следует иметь в виду, что если какая-то теоретическая конструкция не поддается в данный момент операционализации, то это не значит, что она вообще не годится и нужно от нее отказаться.

5 Постоянная озабоченность тем, можно ли и как операционализировать определенные понятия и теоретические представления, нередко сковывает теоретическое исследование и препятствует приращению социологического знания. Не случайно социологи в поисках теории в последние годы так часто обращаются за пределы своей дисциплины. Это происходит, в частности, из-за того, что социологи-теоретики просто боятся теоретизировать, постоянно опасаясь упреков в нестрогости их теоретических построений и невозможности их операционализировать.

6. Итак, теория того или иного масштаба должна стать неотъемлемой составной частью любого социологического исследования. Но мы вновь вынуждены обратиться к вопросу о том, что, собственно, считать социологической теорией. С одной стороны, под видом теорий нередко выступают некие ходячие соображения *ad hoc*, сопровождающие эмпирические исследования, или же некие теоретические довески или «парадигмы», искусственно привязываемые к исследованию и играющие в нем главным образом ритуальную или декоративную роль. С другой стороны, такое положение отчасти объясняется содержанием самих современных теорий, разрабатываемых под рубрикой социологических. Дело в том, что эти теории слишком часто сводятся к

² В данном случае я отвлекаюсь от различия между теорией и эмпирическим обобщением.

сверхабстрактным теоретико-методологическим построениям и дискуссиям, которые можно отнести, главным образом, к таким дисциплинам, как социальная философия, социальная метафизика, социальная эпистемология и т.п., (см., в связи с этим, выше о модах №№ 2, 6, 7). За социологическую теорию выдается теория теории, или теория относительно теории или теорий. Это означает, по крайней мере, выдавать часть за целое или даже за другое целое.

7. Очевидно, на это можно возразить (что часто и делается), утверждая, что мы не знаем, где граница между социологической теорией и метатеорией (философией, социальной метафизикой и т.п.), но это возражение представляется неубедительным. Знаем мы или не знаем, *где точно проходит эта граница*, но мы *точно знаем, что она существует*. Ее вполне можно провести на основе тех или иных критериев – другое дело, что занятие это опять-таки не для социологии. Иначе нам придется признать отсутствие различия между физикой и метафизикой и вообще между наукой и философией. Между тем, не только наука отделяет себя от философии, но и сама философия нередко выводит себя за пределы научного знания.

Предметная социологическая теория имеет дело хотя и с конструируемым, но объектом социальной реальности, а не объектом теоретической реальности. Не надо забывать, что социология, не только эмпирическая, но вообще социология – наука эмпирическая, отличная от таких дисциплин, как философия, логика или математика. Соответственно, удельный вес предметных теорий и соответствующего типа теоретизирования в ней заведомо должен быть очень значительным, более значительным, чем теперь, а их роль никак не может сводиться к текущему обслуживанию эмпирических исследований *ad hoc*, с одной стороны, и к социальным метатеориям – с другой.

8. В качестве примера социально-метафизической проблемы, постоянно обсуждаемой в качестве социологической, можно привести приобретающую хронический характер дискуссию о холизме и индивидуализме. При этом,

одни и те же постулаты, объяснения и зависимости в социологии вполне могут интерпретироваться как в понятиях индивидуализма, так и в понятиях холизма. И эти интерпретации могут никак не влиять на само содержание отмеченных постулатов, объяснений и зависимостей.

9. Поскольку социологи, и теоретики и эмпирики, исследуют не столько «природу», «сущность» общества, сколько *общество* (социальную реальность, социальные взаимодействия, институты и т.п., т.е. различные воплощения общества), то они так или иначе полагают последнее в качестве определенной реальности. Это значит, что в повседневной исследовательской практике они не предаются рефлексии на темы о том, «реально ли общество?», «в каком смысле оно реально?», «возможно ли общество?», «как возможно общество?» и т.п. Эти вопросы, конечно, обсуждаются и должны обсуждаться, но, как правило, либо в свободное от исследований время, либо специалистами-метатеоретиками, либо, наконец, тогда, когда сами социологи уходят в сферу метатеории, на время или навсегда. Иначе, если бы исследователи непрерывно рефлексировали на подобные темы, то они просто не могли бы работать. Возникал бы известный «эффект сороконожки», которая не могла бы передвигаться, если бы постоянно размышляла о том, как возможно ее движение.

10. Точно так же физики исходят из предположения о том или веры в то, что природа существует и представляет собой особого рода реальность. Если бы они постоянно размышляли и дискутировали о том, «существует ли природа?», «в каком смысле существует природа?» или «как возможна природа?», то им пришлось бы бросить свои занятия. Я не считаю, что подобные кантовские вопросы не следует рассматривать, но, опять-таки, это особый жанр, и заниматься им всерьез могут и должны современные коллеги Канта, т.е. философы, эпистемологи и метатеоретики. Главное, не смешивать этот жанр, очень нужный для социологии, с самой социологией, и не выдавать его за последнюю. Подобное смешение, как уже отмечалось выше, вредно и для философии и метатеории, с одной стороны, и для социологии - с

другой. Опасность такого смешения состоит, в частности, в том, что и социологи, и публика постепенно начинают думать, что всякого рода метатеории и паратеории, выступающие от имени социологии, – это и есть собственно социологическая теория, что в свою очередь ведет к большим разочарованиям и неверию в то, что такого рода конструкции могут служить средством получения нового знания и приносить какую-то пользу науке и практике.

11. Распространение социально-метафизических построений вполне может идти рука об руку с упадком теоретического познания социальных процессов, что мы нередко сегодня и наблюдаем. Разработка предметных теорий различного масштаба, включая уровень общей теории, остается в высшей степени актуальной.

12. Получившие сегодня определенное распространение контекстуализм и абсолютизация социокультурного релятивизма, идея несопоставимости и несоизмеримости различных социальных контекстов и культур, несостоятельны.³ Они вообще не состоятельны, а тем более применительно к науке, в частности, к науке социальной. В связи с этим, идея «индигенизации» социологии, иногда выдвигаемая в последние годы, выглядит по меньшей мере наивной. Ее сторонники вдохновляются стремлением к созданию оригинальных и самобытных теорий, и такое стремление можно только приветствовать. Но распространенное убеждение, что самобытно только то, что «не-западно» или «анти-западно», можно рассматривать как теоретическое и идеологическое недоразумение.

Это не значит, что в социологии не существует национальных школ и традиций. Но такие школы формируются не путем противопоставления своей национальной социологии мифическим «западным», «восточным» или «южным», а во взаимодействии, взаимопроникновении и взаимообмене с

³ Отмеченный контекстуализм в значительной мере стимулируется «постмодернистской социологией» с ее акцентом на локальном, специфическом, своеобразном в противовес так называемым «великим нарративам».

различными направлениями мировой социологической мысли. И при этом более или менее общезначимые методы, выводы, результаты в них присутствуют обязательно. Иначе россияне начнут создавать свою российскую социологию, поляки – свою, греки – свою и т.д. Это будет означать конец социологии как науки, а вместе с ней – социальной и культурной антропологии (откуда отчасти проистекают утрированные представления о культурном релятивизме и контекстуализме социально-научного знания) и других наук о человеке и обществе. То же самое произойдет с футболом и оперным искусством, если каждая страна, вместо того, чтобы развивать и совершенствовать соответствующие сферы, делая их конкурентоспособными, начнет создавать свой собственный футбол и свое собственное, ни на что не похожее, оперное искусство.

13. К самоликвидации социологии, по существу, ведет и модная в последние годы полная редукция научного социологического знания к обыденному или к влиянию властных структур и институтов, как политических, так и внутринаучных.⁴ У сторонников данных позиций идеи саморазвития и автономии научного знания и поисков истины предстают чем-то вроде «ложного сознания», фантома, который, вслед за Марксом, они очередной раз хотят «разоблачить». Эта редукция исходит из неявного предположения о том, что научное знание не обладает ни автономией, ни самоценностью, ни собственной логикой развития, что источники и факторы этого развития следует искать исключительно или преимущественно во вненаучных сферах. Такого рода интерпретации, безусловно, искажают картину развития социальных наук. Разумеется, их следует отличать от исследований влияний факторов власти, как и других «внешних» факторов, на науку: подобные исследования, несомненно, необходимы и могут быть в высшей степени плодотворными. Но названный редукционизм и

⁴ Последняя тенденция обнаруживается, в частности, в трудах Мишеля Фуко и Пьера Бурдьё.

исследование воздействия на науку «внешних» факторов – это совершенно разные вещи.

14. Одно из проявлений тенденции к всеохватности в российской теоретической социологии (см. выше о моде №6), о которой шла речь выше, – это непомерно большой удельный вес книг, посвященных социологии вообще или социологии в целом. Наша страна с полным основанием может гордиться тем, что первая в мире книга, озаглавленная «Социология», вышла в России. Это была книга видного русского социолога Евгения Валентиновича Де-Роберти, опубликованная в 1880 году в Санкт-Петербурге.⁵ Но большой поток книг с таким или близкими заголовками, наблюдаемый в российской социологии сегодня, на мой взгляд, уже не может служить предметом гордости. Я полагаю, что это признак определенной проблемы, над которой, вероятно, следует задуматься. В отличие от некоторых моих коллег, обеспокоенных «мелкотемьем», меня больше тревожит тенденция к тому, чтобы одним махом решить все или почти все проблемы социологии как таковой.

15. Сегодня за поисками теоретических идей социологи часто обращаются к другим социальным и гуманитарным дисциплинам. Отчасти это вызвано той боязнью теоретической рефлексии внутри социологии, о которой упоминалось выше. В принципе такого рода заимствования всегда имеют место в социальной науке, и для любой науки это явление «нормальное» и часто плодотворное. Но важно *что именно и в каком объеме* заимствуется. К сожалению, в сегодняшней теоретической социологии эти заимствования далеко не всегда плодотворны. Иногда они вообще дискредитируют социологическое и, шире, научное знание. Я имею в виду

⁵ Де-Роберти Е.В. Социология: Основная задача ее и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологиею и психологиею. – СПб: Тип. Стасюлевича, 1880. В связи с этим, бытующее в историко-социологической литературе мнение о том, что первой книгой с таким названием является «Социология» Георга Зиммеля (Simmel G. *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. – В.: Duncker & Humblot, 1908), является ошибочным.

увлечение разного рода «постмодернистскими» философскими конструкциями и авангардной литературной критикой, порождение теоретического тумана под видом теоретической сложности, подмену социологической теории разного рода теориями схоластическими и даже мистическими, в том числе теми, которые, называя себя социологическими и находясь «внутри» социологического знания, усиленно доказывают несостоятельность социологии и социологических теорий как таковых.⁶ Вместе с тем, связь российской социологии с серьезной исторической наукой, социальной и культурной антропологией представляется недостаточной.

16. На мой взгляд, в современной теоретической социологии имеет место недооценка кумулятивного характера научного знания. Познавательная цель социологии, как и всякой науки, состоит прежде всего не в постоянном свержении и обновлении ее базовых метатеоретических оснований, не в «перманентной революции» в этой области, а в решении научных проблем, в получении и приращении нового знания относительно различных сфер социальной реальности, в их описании, объяснении, интерпретации и предсказании. Сегодня же эта цель в большой мере вытесняется легковесным стремлением разом пересмотреть базовые основания теории и предложить совершенно новые. Но настоящие научные революции совершаются совсем не так и не совершаются ежедневно.

17. Социологическая теория, развиваясь и обновляясь, должна сохранять верность своим базовым основаниям, позволяющим ей считаться социологической. Не увлекаясь непрерывными пересмотрами этих оснований и громогласными их ниспровержениями, которые исчезают так же быстро, как появляются, она должна заниматься получением нового научного знания о социальных явлениях, приращением и развитием этого знания, его

⁶ О подобной тенденции уже более четверти века назад писал Джонатан Тернер. (См.: Тернер Дж. Структура социологической теории. – М.: Прогресс, 1985. – С. 36–37). К сожалению, она сохраняется до сих пор.

культивированием и распространением. Задача теоретической социологии – не эпатировать коллег и публику, а активно участвовать в этих процессах. Такой подход, может быть, выглядит не так увлекательно, как разного рода модные теоретические игры, зато гораздо более серьезен и плодотворен в долгосрочной перспективе.

3. Социология как мировоззрение в современной России

1. В отличие от советской эпохи, когда под видом социологии зачастую выступала специфическая политическая идеология, теперь, наоборот, социология, полностью сохраняя приверженность идее автономии, ценности и самоценности научного знания, может и должна стать своего рода идеологией, объединяющей разнообразные социальные силы и тенденции современной России. Сегодня представление о социологии в массовом сознании связано почти исключительно со всякого рода опросами, измерениями рейтингов и политтехнологиями. Она воспринимается, прежде всего, как орудие манипулирования сознанием людей в интересах политической и деловой элиты. Постепенно в обществе формируется мнение, что иной роль социологии не может и не должна быть. Отсюда, в частности, и снижение престижа этой науки.

2. Задача социологического сообщества в том, чтобы изменить это положение. Необходимо радикально изменить взгляд на социологию как на дисциплину сугубо утилитарную и техническую, поскольку это фактически не так. Помимо развития прикладных и познавательных сторон и функций социологии, следует всячески развивать и пропагандировать её как мировоззрение, существенно влияющее на сознание и самосознание российского общества, как научную дисциплину, обосновывающую, проясняющую и формирующую его гражданскую религию.

3. В данном случае я позволю себе подчеркнуть лишь три черты, или идеи, характерные для этого мировоззрения.

1) *Идея общества.* Категория «общество», ключевая для социологии и, казалось бы, даже сверхбанальная для самого общества, тем не менее, в

современной России нуждается в обосновании, возрождении и постоянном прояснении. Это тем более актуально, что и в некоторых зарубежных социологических теориях эта категория ставится под вопрос (см. об этом выше, о моде № 4). Речь идёт и об универсальных принципах и механизмах общества (социальности и т.п.), и о специфических видах социальности (в частности, «гражданского общества»), и о таком уникальном образовании, как российское общество, и об обществах более широкого и частного масштаба, вплоть до малых групп.

2) *Идея социальной солидарности.* Социология – основная наука, обосновывающая реальность и необходимость социальной солидарности, взаимозависимости отдельных индивидов, социальных групп, категорий, регионов и т.д. В этом утверждении нет никакого прекраснотупого или утопического видения действительности. Собственно, социология и родилась исторически как научное средство преодоления эгоизма: индивидуального, классового, национального, – и вместе с тем утверждения солидарности между индивидами, социальными группами и обществами. Солидарность – одно из главных понятий социологии. Мы находим его и у Конта, и у Дюркгейма, и у многих других классиков. Оно занимает центральное место и в истории российской социологии. Есть все основания полагать, что социальная солидарность относится к числу наиболее достоверно установленных социологией общих фактов социальной жизни. Во всяком случае, важно осознать, что это не менее «естественный», «нормальный» и распространённый феномен, чем социальный конфликт.

Необходимо также иметь в виду эффект так называемого «самосбывающегося пророчества»: провозглашение социальной вражды «нормальным», повсеместным и неизбежным явлением, будучи фактически неверным, в то же время может служить и служит средством её обоснования, оправдания и практического внедрения. И наоборот, признание солидарности нормой социальной жизни влечёт за собой активный поиск путей её осуществления и может реально способствовать этому осуществлению.

3) *Рационализм* – ещё одно достоинство социологического мировоззрения, которого нам часто не хватает и которое чрезвычайно необходимо в России. Нашу страну можно упрекнуть в чём угодно, но только не в избытке рационализма. Научное познание человека и общества, как правило, занимало подчинённое положение по отношению к таким жанрам, как беллетристика, литературная критика и публицистика. Именно писатели, а не учёные, считались в России «инженерами человеческих душ». В сочетании со множеством социальных мифов и сказок, постоянно воспроизводимых на российском социокультурном и политическом пространстве (о светлом будущем, светлом прошлом, о кознях многочисленных внутренних и внешних врагов, о разного рода чудесах и т.п.) это составляет мощный слой иррационализма, затрудняющий понимание социальных процессов и порождающий огромный разрыв между идеалом и действительностью. Конечно, со сказками бывает жить интереснее, но плата за них в нашей стране всегда была и остаётся слишком высокой. Необходимо, напротив, побольше рациональности, рассудочности, реализма, утилитарности, трезвости, позволяющих смотреть прямо в лицо суровой действительности.

4. Несомненно, социология призвана практически усовершенствовать общество и его институты. Вместе с тем, она может и должна, с одной стороны, приблизить идеал к действительности, очистив его от множества фантазмов и сделав его более рациональным и реалистичным; с другой – наоборот, наполнить реальность подлинно священными ценностями, привить людям уважение к другим, к обществу и его институтам. Только тогда у нас будет общество не «государственников», а *граждан*, отвечающих за самих себя, за своё общество и за своё государство. Таким образом, социологическое просвещение в России окажется также и существенной частью проповеди гражданской религии. Ведь гражданское общество можно построить только при условии признания священности тех ценностей и институтов, на которых оно базируется.

5. В заключение и во избежание возможных недоразумений необходимо подчеркнуть, что, разумеется, главные проблемы современного российского общества сосредоточены и могут быть решены, главным образом, не в сфере идей, а в сфере трансформации социальных институтов. Но сами эти трансформации в свою очередь могут произойти только при наличии определенной рациональной идеологии, коллективной воли и социальной солидарности. И в данном отношении вклад социологической теории также может и должен быть очень значительным, гораздо более значительным, чем сегодня.